

ПРОФ. АЛ. ДМ. ГРИГОРЬЕВ.

РУССКИЕ
СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ
ГОВОРЫ СИБИРИ.

ВЫПУСК I.

К ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ
СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ
СИБИРИ.

изучению русских старожильческих говоров Сибири.

I.

Сибирь и ее русское население.

§ 1. Сибирь: ее состав и величина. — § 2. Русское население Сибири: его численность и преобладание, южная граница, преимущественное расселение, состав и группы. — § 3. Новоселы. — § 4. Старожилы: их постепенное слагание, взаимоотношения с инородцами, их тип и язык.

§ 1. В состав Сибири¹⁾ обыкновенно включают 4 губернии: Тобольскую, Томскую (с выделенной из нее 17 июня 1917 года Алтайской губернией), Енисейскую и Иркутскую; и 6 областей: Якутскую, Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую и Сахалинскую. Но к ней можно причислить также северные части Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, сравнительно недавно занятые русскими переселенцами.

В географическом отношении к Сибири относятся и зауральские уезды Пермской и Оренбургской губерний, причисляемые административно обыкновенно к Европейской России.

По своей величине Сибирь превосходит в $2\frac{1}{2}$ раза Европейскую Россию (в границах до мировой войны) и в $1\frac{1}{2}$ раза всю Европу: в длину она имеет 8.000 верст, а в ширину 4.000 верст.

§ 2. Сибирь, если даже причислить к ней Стенной край и Дальний Восток, позже вошедшие в состав русского государства, в настоящее время почти вполне русская страна. К 1911 году в губерниях Тобольской, Томской (до раздела ее), Енисейской и Иркутской и в областях Забайкальской и Якутской насчитывалось всего $8\frac{1}{2}$ миллионов населения, из коих

¹⁾ Одна часть работы, начатая мною в России, была написана новым правописанием; другая, возникшая после моего выезда из России, старым правописанием, к которому я более привык и которое употребляется в тех гимназиях, где я преподаю (в Ужгороде и Пряшеве). Печатаю же я свою работу новым правописанием, которое уже удержится в России, и сохраняю старое правописание только в заглавиях и дословных цитатах из ранее напечатанных книг, а также отчасти в примерах произношения.

на долю русских приходилось около $7\frac{1}{2}$ миллионов душ, т. е. около $86\cdot5\%$, а на долю коренных инородцев 927.000, т. е. $10\cdot9\%$; и на долю остальных пришлых народностей 156.216 человек. В частности на долю русских приходилось в Тобольской и Томской губерниях около 95% ; в Енисейской — более 90% , в Иркутской около 80% , в Забайкальской — 70% , но в Якутской — только 7% . На Дальнем Востоке (в областях Амурской, Приморской и Камчатской с северной половиной Сахалина) насчитывалось всего 855 тысяч человек, из коих на долю русских приходилось 632.500 чел., т. е. 74% , на долю коренных инородцев — 45.800 душ, т. е. $5\cdot4\%$, и на долю других нерусских пришлых народностей — 176.600 чел., т. е. $20\cdot6\%$. Даже в Степном крае, т. е. в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях, к 1911 году насчитывалось около 3,800.000 чел. всего населения, из коих на долю русских приходилось более $1\frac{1}{2}$ миллиона; т. е. 40% всего населения. Из этих степных областей наиболее русской была к 1911 году Акмолинская область, в которой было русских 835.441 чел. и киргиз 550.187 чел., т. е. русских было 58% ; в Уральской области было русских почти 38% (297.711 на 485.863 киргиз), в Тургайской — почти $33\cdot8\%$ (235.480 на 426.669 киргиз), а в Семипалатинской — почти $20\cdot6\%$ (174.873 на 675.240 киргиз).¹⁾

Южная граница сплошного русского населения, причисляя к нему переселенцев двух последних десятилетий, проходит от города Уральска на р. Урале южнее Актюбинска, Орска, Кустаная, Атбасара и Акмолинска, захватывая таким образом в русскую территорию верховья рек Тобола и Ишима и достигая р. Нура; далее подходит к р. Иртышу у г. Павлодара; затем левым берегом р. Иртыша поднимается до границы с Китаем, проходя южнее Семипалатинска и Усть-Каменогорска; переваливает через Алтайские горы восточнее Змеиногорска, Бийска и Кузнецка, направляясь к Боготолу, но, не дойдя до него, опять спускается на юг западнее р. Енисей, захватывая в русскую территорию верховья Енисея в Урянхое за Саянскими горами; отсюда идет восточнее Минусинска и южнее Канска, Нижнеудинска, Иркутска, Троицкосавска и Акши; наконец по рр. Аргуни и

¹⁾ Процентное отношение вычислено мною на основании цифр, приведенных в первом выпуске „Азиатской Россіи“ (66—67, 70, 82—83 стр.).

Амуру до г. Хабаровска, откуда повертывает на юг и идет по р. Усури и озеру Ханке, западнее Никольска Уссурийского и Владивостока к границе с Кореей.

На север от этой границы в пределах Азиатской России жило к началу 1911 года, как мы видели ранее, почти 10 миллионов (9,632.000) русского населения.¹⁾ Русское население Сибири, как и инородческое, живет преимущественно еще по берегам рек и вдоль сухопутных путей сообщения и пока занимает широкую (до 600 верст) полосу, идущую изгибами с запада на восток, от Урала до Амура, вдоль исторического колонизационного московского тракта, который только к 1900 году был заменен во многих местах Сибирской железной дорогой (1891—1900 гг.). Местами эта полоса суживается или даже прерывается горными массивами и пустынными пространствами, но местами, особенно в Тургайской и Акмолинской областях, Алтайской губернии, Минусинском и Урянхайском краях и наконец в Уссурийском крае, спускается к югу, захватывая там плодородные земли. К северу от этой заселенной и преимущественно русской полосы идут с трудом заселяемые сибирские урманы, сменяемые у полярного круга безотрадными тундрами, по которым бродят со своими оленями и собаками инородцы и кое-где у рек разбросаны промысловые жилья. К югу же от этой полосы растянулись маловодные или безводные степи на западе и трудно доступные горы на востоке, обитаемые по большей части кочевыми скотоводами.

Главную массу русского старожилого населения Сибири составляют крестьяне. Следующую по численности сословную группу составляют сибирские казаки, коих к 1911 году насчитывалось 1,152.000 душ обоего пола.

Все русское население Сибири — пришлое. Но различие во времени и в условиях водворения в Сибири сказалось в особом отпечатке на старых и новых засельщиках Сибири, что заставляет делить русское население Сибири на две большие группы: на старожилов и новоселов. Это деление имеет значение и при изучении русских говоров Сибири и поэтому заслуживает того, чтобы на нем остановиться несколько подольше. Выселение русских за Урал распределяется по перио-

¹⁾ С того времени количество его увеличилось: в Сибирь переселилось в 1911 году — 226.000 чел., в 1912 — 259.000, т. е. только за 2 года почти половина миллиона (485.000). Ср. „Экономическая география Сибири“ П. М. Головачева (Москва, 1914, 17 стр).

дам неравномерно. За три с небольшим века, протекшие со времени военного занятия русскими западных частей Сибири почти до конца 19 века, количество русских, осевших в Сибири, считая даже с естественным приростом, составило немногим более половины теперешнего русского населения Сибири. Остальная часть вышла из Европейской России и расселилась по Сибири в широком смысле этого слова (т. е. со степными областями) только в самое последнее время, в последние перед 1914 годом два-три десятилетия.

Старожилом, по словам П. М. Головачева, называется проживший в Сибири 25 лет.¹⁾ Писарев различает 3 категории русского населения Сибири и дает им другие определения:²⁾ „Обыкновенно всѣхъ русскихъ, живущихъ въ Сибири, дѣлятъ на три категоріи: старожиловъ, староселовъ и новоселовъ. Къ старожиламъ относятъ тѣхъ, отцы и дѣды которыхъ уже давно, не менѣе 50 лѣтъ тому назадъ, поселились въ Сибири, такъ что современное молодое потомство ихъ успѣло не только обжиться въ странѣ, но и утратить всякую связь со своей старой родиной, Европейской Россіей. Къ староселамъ относятъ всѣхъ тѣхъ, кто, хотя и прибылъ въ Сибирь не такъ давно, но прожилъ въ ней не менѣе 15 лѣтъ. Хотя эти люди и помнятъ свою прежнюю родину, но уже успѣли освоиться съ новой для нихъ страной и приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ веденія хозяйства. Наконецъ, новоселами считаются тѣ, кто прибылъ въ Сибирь въ самое послѣднее время, не болѣе 15 лѣтъ тому назадъ. Эта часть русскаго населенія не только хранитъ самыя живыя воспоминанія о своей родинѣ, но, въ большинствѣ случаевъ, поддерживааетъ даже фактическую связь съ ней, перепиской съ земляками, разнаго рода „оказіями“ и т. д. Она еще не успѣла приспособиться къ условіямъ жизни на новыхъ мѣстахъ и къ веденію хозяйства при новой обстановкѣ“. При изучении русскихъ говоров, по моему мнѣнію, 25-летний срокъ мал и в виду медленности по местамъ (в обособленныхъ переселенческихъ селеніяхъ) ассимиляционныхъ языковыхъ процессовъ, надежнее считать старожилами техъ, которые отделены отъ переселенія в Сибирь ихъ семьи изъ Европейской Россіи, по крайней мерѣ, 50-летнимъ промежуткомъ времени.

¹⁾ Экономическая географія Сибири (М. 1914) стр. 15.

²⁾ Сибирь, стр. 130.

§ 3. Позднейшие выходцы из Европейской России, иначе „новоселы“, отличаются от „старожилов“ по составу, по общему укладу жизни, по экономическому состоянию и по наречию. Почти все они — крестьяне. Крестьян-переселенцев перешло за Урал и разместилось по Сибири в последние два десятилетия (перед мировой войной) около 4 миллионов человек; из них до трех миллионов прошло за последние до мировой войны семь лет (1907—1913). Громадное большинство новоселов образовало свои отдельные поселки на отведенных им в надел участках свободных казенных земель. Только часть их приписана к старожильческим селениям по приемным приговорам или по распоряжению власти на оставленные в наделах старожилов „излишки“ их землепользования. Вследствие этого новоселы в главной своей массе живут как бы отдельно от старожилов.

Случаи, когда выходцы одной губернии, уезда или волости сядутся целым селом на одно место, появились в самое последнее время и в общем редки. Обыкновенно на всем пространстве от Челябинска до Тихого океана встречаются переселенческие поселки с выходцами чуть ли не из 10—15 губерний на одном участке. Понятно, что выходцы каждой местности пользуются своим наречием и своим говором. Поэтому говорить об едином говоре даже одного переселенческого поселка пока не приходится. Правда, и в прежнее время существовали определенные течения при размещении новоселов по Сибири: первыми засельщиками Тургайской области были почти исключительно выходцы из самарских степей, уступившие свое первенство в самое последнее время малорусам екатеринославцам, херсонцам и тавричанам; Акмолинскую область облюбовали полтавцы; фруктовые сады и богарники Семиречья созданы преимущественно знакомыми с этим делом воронежцами; вековая тайга сибирских урманов разрублена и расчищена, вслед за вятчанами и другими северно-великорусами, упорным трудом белорусов-витебцев, могилевцев, смолян и минцев, этих природных лесовиков и землекопов, — но и при этих течениях в одном и том же месте оседали люди из разных деревень, волостей и уездов. Поэтому даже и в таких более благоприятных случаях говорить об едином говоре определенного переселенческого поселка нельзя до того времени, когда близкие между собою говоры не сольются и не образуют новый единый говор.

§ 4. Русские старожилы Сибири, иначе „сибиряки“, составились из потомков русских завоевателей и первых засельщиков Сибири и носят на себе следы своего исторического прошлого, отличающие их во многих отношениях от коренного населения Европейской России и от новоселов Сибири. Их характерные внешний вид, умственные способности, нравственный облик, также быт и хозяйство объясняются особыми условиями завоевания окраин, влиянием сибирской природы и вековым соприкосновением с инородческими племенами.

Завоевание северной части Сибири производилось шаг за шагом мелкими казачьими отрядами в несколько сот человек, которым приходилось двигаться по лесам и болотам, пустынным и населенным полудикими племенами. Предоставленные собственным силам, отрезанные огромными расстояниями от родины, не имея обеспеченного тыла, отряды отважных русских землеискателей и пионеров находились в постоянной борьбе с окружающей суровой и дикой природой и враждебными племенами туземцев. В этой борьбе каждый шаг вперед покупался кровью и люди закалялись в перенесении трудов, лишений и страданий. В грозной обстановке войны и гибели ожесточались сердца и выковывались железные характеры. Неустрашимость, решительность, находчивость и смелая предприимчивость становились отличительными свойствами передовых бойцов русской цивилизации в Сибири, создававших здесь первые ячейки будущей колонизационной сети. По рекам и волокам посылаемые московским правительством отряды казаков двигались по разным направлениям, куда было можно и куда тянула их жажда новизны и завоевания, но при этом все дальше на восток, до края земли. Весь этот путь был совершен и громадная страна была покорена в течение одного столетия, с конца 16 до конца 17 века.

Первое население сибирских острогов, зимовий и т. п. пунктов имело в отношении своих специальностей довольно смешанный состав. В него входили казаки, стрельцы и пушкари, назначавшиеся для покорения и закрепления за русской властью страны; „пашенные“ крестьяне, поселяемые около опорных пунктов для обеспечения отрядов продовольствием при помощи местного земледелия; ямщики, поселяемые в ямских слободах при острогах для облегчения движения отрядов и

сношений центрального правительства со вновь основанными сибирскими городками; служилые люди для управления и приказных дел; посадские для торговли; духовенство и пр.

Если начальные лица, воеводы и головы, покорив инородцев, устроив остроги, собрав ясак и обеспечив его дальнейшее поступление в государеву казну, через год-два возвращались на Русь и заменялись новыми лицами, то остальной состав отрядов оставался в Сибири по городам и острогам и из него назначались люди в дальнейшие экспедиции. К оставшимся в острогах переводились их семьи. Боярские дети, духовные и разные подьячие выписывали своих крепостных. Чтобы увеличить количество русского населения в Сибири, правительство отправляло в сибирские города десятками семьи хлебопашенных людей; переселяло туда тех помещичьих крестьян, коих помещики отказывались держать у себя; оставляло в Сибири беглых людей, проживших там не менее шести лет; ссылало туда разных провинившихся людей, из которых первыми, повидимому, явились для заселения Пелымского острога в 1593 году 300 человек угличан, после убийства царевича Дмитрия, и 9 семей опальных каргопольцев. Вообще ссыльный элемент занял видное место в правительственной колонизации Сибири. Так при Михаиле Федоровиче были сосланы в Сибирь 180 запорожцев; при Алексее Михайловиче — гилевщики за коломенскую смуту; затем туда попали многие сотни казаков Стеньки Разина, а в шестидесятых годах 17 века тысячи малорусских казаков и крестьян, недовольных присоединением Малороссии к Московскому государству. Сюда ссылались непокорные стрельцы, раскольники, шведские военнопленные, польские конфедераты, русские воеводы, князья, дьячки, боярские дети, разные мастера, посадские люди и крестьяне. В последующее время ссылка в Сибирь усилилась и наряду с политической была введена в 1754 году уголовная ссылка, так как указом этого года смертная казнь ворами и разбойникам была заменена ссылкой в Сибирь.

Все разнообразные люди, высылаемые в Сибирь, верстались там по приказам московского правительства в службу и устраивались на пашни и таким образом ими усиливалось служилое, охранное, военное и промышленное население Сибири. Уголовные ссыльные причислялись в 18 веке к постепенно возникавшим казенным и частным заводам, фабрикам

и рудникам или поселялись в пограничных крепостях для работ и устраивались на пашни.

С той же колонизационною целью правительство посылало в Сибирь „по прибору“ и „по указу“ духовенство, служилых людей и крестьян. Назначаемые в Сибирь воеводы и головы сами или через своих агентов набирали войска из служилого класса и вольных („охочих“) людей, посадских и пашенных крестьян, а нередко и духовенства.

Переселение крестьян и ссылка на поселение применялись правительством и после периода завоевания, в течение всего 18 и почти всего 19 века. Во второй половине 18 века помещичьи крестьяне в зачет рекрутов и ссыльные были поселены с особыми пособиями в Енисейской губернии, в Нижнеудинском уезде Иркутской, в Забайкальской области и затем на Сахалине. В период 1824—1827 годов в Сибирь было переведено десять тысяч заключенных в крепостях Европейской России. Туда же направлялись бродяги и маловажные уголовные преступники. В тридцатых годах 19 века в Сибирь было отправлено несколько тысяч ссыльных поляков, а в шестидесятых годах 18¹/₂ тысяч поляков-повстанцев и почти столько же русских крестьян за аграрные беспорядки. В Якутскую область ссылались скопцы и другие сектанты. В начале сороковых-пятидесятых годов в сибирские губернии переводились из Европейской России государственные крестьяне.

Не будучи достаточной сама по себе, сравнительно с огромным пространством Сибири, правительственная колонизация являлась прочным базисом для более широкого развития вольной, народной колонизации, закончившей закрепление за Россией этой громадной страны.

Народная колонизация Сибири, начавшаяся одновременно с правительственной, продолжалась и развивалась вместе с последней. Правительственная и народная колонизации являлись двумя течениями в одном и том же направлении. Если правительственное течение шло определенным руслом, то народное течение, никем не управляемое, разбивалось на мелкие ручейки, частью имевшие самостоятельное течение, частью притягивавшиеся основным потоком и сливавшиеся с ним. В первые же годы после Ермака в Сибирь двинулось много „гулящих“ людей, также промышленников, охотников и звероловов. „Гулящие“ люди представляли из себя смесь из разного рода не-

счастливых, недовольных и преступных людей. В состав их входили крестьянские изгои, обреченные развившимся на Руси обычаем укрепления надела за старшим братом на превращение в „захребетников“ у последнего или в бродяг; крестьяне, недовольные усиливавшимся закрепощением; бежавшие от помещиков дворовые; укрывавшиеся от рекрутчины и платежа повинностей; непойманные преступники и т. п. К ним присоединялись тяглые крестьяне, уходившие в Сибирь из соседних приуральских местностей во время голодовок.

Из „гулящих“ или „охочих“ людей правительством часто „прибирались“ ратные люди и „пашенные“ крестьяне; из них набирали хлебопашцев на свои земли служилые люди, монастыри, духовенство и прочие „переведенцы“. Но главное значение „гулящие“ люди имели в качестве вольных колонизаторов Сибири. Перебираясь в Сибирь и по большой дороге через Верхотурье и по глухим тропинкам, они рассыпались по всей стране. Целые группы основанных ими селений оставались правительству неизвестными в течение многих лет и открывались только случайно.

О сравнительном значении правительственной и вольной колонизации можно судить, напр., по новейшим данным об образовании поселений в четырех уездах Енисейской губернии. Из 776 поселений этих уездов только 102 поселка возникло благодаря правительственному переселению,¹⁾ а остальные 674 поселка образовались путем вольной народной колонизации, в которой главная роль принадлежала разнородной массе „гулящих“ людей. В образовании вольных поселков местами принимали участие, кроме выходцев из Европейской России, выходцы из сибирских поселений, основанных при участии правительства.

Из таких элементов правительственной и вольной колонизации сложились русские старожилы Сибири.

Амурская область и Уссурийский край, окончательно занятые во второй половине 19 века, а также Степной край, занятый в 18 веке только редкими крепостями и станицами, не имеют старожилого крестьянского населения: наиболее ста-

¹⁾ Из этих селений 6 были раньше острогами, 11 станицами и военными постами, 4 казенными заводами, 10 образованы крестьянами в зачет рекрутов, 26 были казенными поселениями и около 45 поселков образовано крестьянами по распоряжения и на средства правительства.

рых засельщиков их, крестьян, можно назвать только „староселами“.

Немногочисленным на первых порах русским старожилам Сибири пришлось встретиться с многочисленными в первое время и разнородными и н о р о д ц а м и, которые в той или другой степени оказали на них свое влияние. Такими инородцами были в Tobольской губернии вышедшие из Вологодской губ. зыряне (в Обдорском и Березовском уездах), затем самоеды, вогулы, остяки и татары; в Тургайской и Акмолинской областях и в Алтайской губернии — киргизы; в Томской губ. — остяки на севере и татары на юге, в Енисейской губ. — тунгусы на севере и татары на юге; в Иркутской губ. — буряты; в Забайкальской области — тунгусы на севере и буряты на юге; в Якутской области — тунгусы, якуты, юкагиры и ламуты. Вековые сношения русских старожилов с этими инородцами существенно отразились во многих местах на внешнем виде и на внутренних свойствах русских старожилов. Последние в периоды завоевания и первоначального заселения Сибири вследствие недостатка русских женщин, несмотря на особые меры правительства в этом направлении, часто были принуждены жениться на инородках. В результате этих смешанных браков получилось широкое и повсеместное смешение русских со всевозможными инородческими племенами. В Tobольской губернии русские пелымцы похожи на вогул, а в Березовском и Сургутском уездах русские старожилы напоминают остяков своими скуластыми лицами и узким разрезом глаз. В Барабе Томской губ. и в приалтайских местностях русскими старожилами усвоены татарские и киргизские черты. Далее на восток Сибири многие русские старожилы вследствие смешанных браков с инородками приняли почти инородческое обличье. Подобное явление заметно в некоторых местностях Туруханского и Минусинского краев Енисейской губерний, в Иркутской губернии и Забайкалье, а особенно в Якутской области. В Иркутской губ. и Забайкалье от смешанных браков русских с бурятками получилось потомство смуглое, черноволосое и черноглазое, иногда с довольно правильными и приятными чертами лица, но чаще скуластое и узкоглазое, известное под именем карымов и карымок. В Якутской области по р. Лене и ее притокам некоторые из немногочисленных русских обьякутились по внешнему виду и говорят

хорошо по-якутски и плохо по-русски. В Колымском же крае той же области встречаются русские люди малого роста, с почти якутской головой, косым разрезом глаз, выдающимися скулами, большой нижней челюстью и почти без растительности на лице, с ослабленными умственными способностями. Конечно, такое смешение русских старожилов с инородцами отразилось в невыгодную сторону и на русском языке их потомков.

Вследствие особенных условий жизни в Сибири здешнее русское старожилое население представляет особый тип, отличающийся от чистого великорусского типа, что бросается в глаза особенно в Восточной Сибири. Главными особенностями этого типа являются преобладание черных или темных волос, черные или карие глаза, более смуглый цвет кожи, жидковатость бороды и усов, скуластость лиц и узкий разрез глаз. Сибирские старожилы унаследовали от инородцев некоторую диковатость, а от продолжительного уединения в лесах приобрели грубоватость нравов. Огромные и разнообразные богатства Сибири развили в русских сибиряках страсть к наживе. Борьба и оторванность от культурного мира сделали их менее чувствительными к музыке, пению и вообще искусствам, скрашивающим человеческую жизнь. От недостатка церквей и продолжительного соприкосновения с инородцами по местам развились в русских сибиряках малая религиозность и суеверность. На ряду с этими отрицательными чертами русские сибиряки обладают и многими положительными чертами: они любознательны, уважают сведущих людей и знание, предприимчивы, способны воспринимать всякую новизну, если она им понятна и полезна. В общем они — холодно-рассудочны и расчетливы.¹⁾

В тех местностях Сибири, где количество сначала немногочисленных русских старожилов продолжало быстро увеличиваться, как напр. в Кузнецком, Барнаульском и Бийском уездах, смешанные браки русских с инородцами привели к обратному результату: инородцы значительно обрусели, вследствие чего целые волости населены как бы новой разно-

¹⁾ В приведенной характеристике отрицательные черты русского старожилого населения Сибири, так резко отмеченные Шаповым и Ровинским, мною несколько смягчены на основании позднейших работ, преимущественно самих сибиряков (Ядринцева, Потанина, Азадовского и др.).

видностью русского племени, представители которой говорят на несколько испорченном русском языке.¹⁾

Так как русское старожилое население Сибири составилось главным образом из великорусов, то вполне понятно, что русские старожилы Сибири говорят обыкновенно только по-великорусски.

II.

Обзор изучения русских старожильческих говоров Сибири.

Изучение русских говоров Сибири началось сравнительно недавно, и до сих пор было сделано не особенно много.

К более старому времени относятся только попытки указать, к какому говору Европейской России ближе всего русские говоры Сибири (и прежде всего Восточной); позже появляются и более обстоятельные статьи и работы о русских говорах Сибири.

В 1833 году Щукин в своей книге „Поѣздка въ Якутскъ“ (СПБ.) так характеризует некоторые говоры северной части Верхотенского и южной части Киренского уезда Иркутской губ. (вниз от Качуга и Верхотенска по р. Лене), повидимому Тутуры, Усть-Илги, Орленги и Дядиной: „Въ продолженіе нашего плаванія мы нѣсколько разъ на лодкѣ приставали къ деревнямъ за сѣстными припасами . . . Говорятъ хотя такъ называемымъ Новгородскимъ нарѣчіемъ, но отъ неправильнаго грамматическаго размѣщенія словъ и употребленія ихъ не въ нашемъ смыслѣ, языкъ ихъ худо понятенъ. Напримѣръ, здѣсь говорятъ: *пѣтухъ реветъ, огонь затопилъ*, вмѣсто *развелъ*. Табакъ нюхательный называютъ *прошкою*; *прошку всю выпилъ*, значить: табакъ весь вынюхалъ. Самый тонъ произношенія какой-то особенный: вмѣстѣ скорый, измѣнчивый и вялый“ (31—33 стр.). О жителях селения Витима Щукинъ замечает: „Жители здѣшніе бойки, расторопны и говорятъ нарѣчіемъ близкимъ къ Московскому“ (54). Далее (71 стр.) он говорит о городе Олѣкминске Якутской области: „Это первый, такъ сказать, Якутскій городъ, гдѣ на улицахъ и въ домахъ Русскій языкъ замѣняется Якутскимъ“.

В 1835 году вышла в СПБ. книга первого енисейского гу-

¹⁾ Для характеристики здесь новоселов и старожилов Сибири я пользовался данными „Азіатской Россіи“ (I. Люди и порядки за Ураломъ, СПБ. 1914, 189—191, 179—187).

бернатора Степанова в двух частях под заглавием: „Енисейская губернія“. Во второй части ее он говорит (99—100 стр.) о происхождении и наречии русских старожилов, жителей Енисейской губ.: „Нарѣчіе жителей губерніи Енисейской похоже на Ярославское: *о* всегда на выставкѣ. За всѣмъ тѣмъ, выговоръ ихъ нѣжнѣе и въ разговорѣ болѣе учтивости . . . вообще разговоръ Сибиряковъ и даже (раз)сказъ ихъ правиленъ, пріятенъ, чистъ. Крестьянинъ долго не ищетъ словъ, не думаетъ объ отвѣтѣ. Незнакомыя намъ и усвоенныя туземцами, слова и поговорки случаются весьма не рѣдко въ ихъ рѣчахъ“.

В 1837 году в Москве вышли „Записки и замѣчанія о Сибири“ Авдеевой, которая так говорит на 10 стр. о говоре г. Иркутска: „Кто пріѣдетъ прямо изъ Москвы или Петербурга, тотъ мало замѣтитъ разницы въ од(еждѣ); зато его слухъ жестоко пострадаетъ отъ тамошняго выговора“; в конце же книги она печатает свадебные песни (99—142 стр.) и „словарь употребляемыхъ въ Сибири словъ и выраженій (провинціализмовъ)“ (143—153). — В своих „Воспоминаніяхъ объ Иркутскѣ“, напечатанных в „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1848 год (август) Авдеева подробнее останавливается на языке жителей г. Иркутска: „Самый языкъ и манера выражаться тамъ чисто русскіе, и если бы не противная интонація или аксанъ, какимъ отличается выговоръ иркутскихъ жителей, то у нихъ можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти возвышенія и пониженія голоса, эти грубыя ударенія на *о* чрезвычайно непріятны, особенно тому, кто не привыкъ къ нимъ или отвыкъ отъ нихъ. Надобно прибавить, что таковъ выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается областная грубость аксана“ (131). Дальнейшее касается выбора слов и выражений: „Въ Иркутскѣ, какъ и въ другихъ отдаленныхъ отъ столицъ городахъ, многіе предметы имѣютъ свои областныя названія; много сохранилось старинныхъ словъ, которыя не употребляются больше въ языкѣ современномъ. Для изучающихъ языкъ ученымъ образомъ, любопытно было бы узнать ихъ, потому что они, по крайней мѣрѣ, поясняютъ другія слова. Цѣлыя выраженія книжныя сдѣлались также какъ бы пословицами или поговорками. Прежде употребляли много выраженій священнаго писанія, и до сихъ поръ остаются изъ нихъ нѣкоторыя въ общемъ употребленіи между народомъ. На-примѣръ, часто услышите: »Не насы-

тится око зрѣніемъ, умъ богатствомъ» . . . и много подобныхъ. Замѣчательно, что старики, совершенно Русскіе по своему воспитанію и образу жизни, еще не такъ давно употребляли въ обыкновенномъ разговорѣ множество старинныхъ словъ русскихъ и изъ церковнаго языка; употребляли даже цѣлыя рѣченія, которыя можно было бы вставить въ любую лѣтопись. Это ясно показываетъ, что не только до временъ Петра, который ввелъ въ языкъ нашъ много словъ иностранныхъ и еще больше словъ и даже цѣлыхъ фразъ, переведенныхъ съ иностраннаго, — но и долго послѣ Петра Великаго, удерживался совсѣмъ не тотъ языкъ, которымъ говорятъ теперь всѣ Русскіе. Кто въ наше время употребляетъ слова: *окаянный, красный, присный, ско, здравствовать, вскую?* — а я еще слыхала ихъ въ устахъ стариковъ. Они употребляли даже цѣлыя изрѣченія, составленныя въ какомъ-то старинномъ духѣ. Одинъ почтенный старикъ, слыша о побѣдахъ Суворова, обыкновенно восклицалъ: »Дай, Боже, здравствовать господину Суворову!« Екатерину Великую называлъ онъ не иначе какъ: »Матушка-Царица ' или „Матушка-Императрица«. Изъ разговоровъ такого старца можно было бы составить цѣлый словарь стариннаго русскаго языка“ (131—132).

В 1838 и 1844 годахъ вышло первымъ изданіемъ „Историческое Обозрѣніе Сибири“ П. А. С л о в ц о в а, переизданное затемъ в 1886 году в Петербургѣ. В немъ Словцовъ даетъ такую характеристику русскаго сибирскаго наречія, потомка Устюжскаго говора, который, по его словамъ, — „подражатель Новгородскаго“ (78—79): „Нарѣчіе Новгородское есть второе дитя Славянскаго языка, если должно признавать нарѣчіе южное за первенца. Сколь ни грубо Новгородское, но по долговременному и обширному вліянію Новгорода на сѣверѣ, оно, какъ неизмѣнный стереотипъ, вездѣ печатается въ разговорѣ до Камчатки, до Кадьяка. Сибирскій говоръ есть говоръ Устюжскій, подражатель Новгородскаго“. Указавъ на роль устюжанъ и ихъ собратій при завоеваніи и заселеніи Сибири, Словцовъ далее указываетъ причину неуспѣха московскаго говора в Сибири: „Какъ бы то ни было, нельзя однакожъ не видѣть причины, для чего Московскій говоръ, легкій и пріятный, какъ счастливый баловень, не успѣлъ въ Сибири взять поверхности. Воеводы и ихъ товарищи, дьяки и письменные головы, хотя приѣзжали (sic) съ семьями и домочадцами, отдѣлялись

степенями состоянія отъ жителей, которые, если видятъ къ себѣ презрѣніе, любятъ лучше передразнивать надменныхъ, чѣмъ имъ подражать. Много было дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, но не Москвичи урожденные“. — Сибирский говор он характеризует следующим образом: „Сибирское нарѣчіе въ произношеніе буквы *о* свято держится отдѣльнаго букварнаго выговора, такъ какъ бы всегда лежало удареніе на немъ. Сверхъ того наше нарѣчіе удержало обветшалыя слова, уполномочило самодѣльныя, и переименовало удареніе многихъ. Сибирскій разговоръ лѣнивъ и холоденъ, но безъ легкомыслія, не текучъ и малословенъ, какъ бы съ числомъ и вѣсомъ, и къ сожалѣнію темновать по привычкѣ пропускать глаголы, оживляющіе мысль. Перевалясь изъ Екатеринбургъ въ Тобольскъ, замѣчаешь чувствительную разницу въ разговорѣ, и отъ того, что онъ свертывается въ домашній, и томится около своихъ муравейниковъ. Въ Иркутскѣ тѣмъ чувствительнѣе разница, чѣмъ далѣе отъ Россіи“.)

В 1848 году в „Библиотекѣ для Чтенія“ (№ 96, стр. 1—42) были помещены две большіе статьи С. И. Гуляева „Этнографическіе очерки южной Сибири“. Здесь — свадебные обряды, песни, заговоры, заклинания и словарь Алтая.

В № 11 „Вѣстника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ за 1858 год (СПб.) была напечатана статья священника В. А. Вербицкаго: „Замѣтки кочевого Алтайца“, посвященная алтайским инородцам. В концѣ ее (106—109 стр.) приложен небольшой список особых слов, которые можно слышать в русских крестьянских деревнях на Алтае. Интересно и его замечание: „Такимъ образомъ изъ коренныхъ жителей Алтайскихъ горъ образовался новый народъ: новокрещенные инородцы, а къ нимъ присоединились и сибирскіе крестьяне“ (106).

Ему же принадлежит статья: „Пятьсотъ областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими крестьянами“, помещенная в „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1858 г., № 30; 1862, №№ 7, 16, 48 и 49; 1863, № 26).

1) Для меня неясен точный смысл его заключительныхъ словъ: „Разумѣется, что эти замѣчанія, высказываемыя противъ стараго времени или старыхъ людей, не падаютъ на лица образованныя, ни на молодежь (sic) купеческихъ дѣтей XIX вѣка, посѣщающихъ государственныя ярмарки, для обмѣна товаровъ и повѣрьевъ“. Имеетъ ли Словоцовъ здесь въ виду только более нивелированный окающій говор образованныхъ и бывалыхъ людей или же что-нибудь большее, т. е. переходъ къ аканью?

В 1864 году в 6-ом выпуске „Этнографическаго Сборника, издаваемаго И. Русскимъ Географическимъ Обществомъ“ (СПБ.), появилась работа Г. Н. Потанина: „Югозападная часть Томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи“ (1—154 стр.). Первая глава ее важна и для русской диалектологии Сибири. В ней находятся его „Замѣтки объ языкѣ, Мѣстныя слова, Географическія собственныя имена, Поговорки, Пословицы, Пѣсни“. Потанин говоритъ здѣсь о существованіи в Сибири, кроме окающего, также акающего наречія в Таре и среднего наречія русскихъ городов, распространеннаго у казаковъ по р. Иртышу от Омска до Семипалатинска и на Алтае, а также об островкахъ с особымъ говоромъ старообрядцев — „поляковъ“ на Алтае. „Населеніе Сибири почти вездѣ говоритъ нарѣчіемъ новгородскихъ колоній, т. е. архангельской, вологодской, пермской и другихъ сосѣднихъ губерній. Разумѣется, что это нарѣчіе не вездѣ въ одинаковой силѣ: мѣстами оно болѣе приближается къ новгородскому,¹⁾ мѣстами усиливается другое, «акающее» нарѣчіе, какъ напримѣръ въ Тарѣ, гдѣ говорятъ «свысока»; мѣстами оба они сливаются въ среднее между ними нарѣчіе русскихъ городовъ, какъ напр. у казаковъ на Иртышѣ. Самостоятельное образованіе этого говора, близко подходящаго къ литературному языку, слѣдуетъ приписать разнообразію элементовъ, обобщившихся подѣ вліяніемъ сильно развитой грамотности и особеннаго образа жизни, часто сталкивающаго казака съ людьми разныхъ состояній. Впрочемъ и казаки не (2 стр.) всѣ говорятъ одинаково; около Петропавловска они сильно «окаютъ», а на Алтаѣ, напротивъ, «акаютъ» слегка, и это особенно замѣтно у женщинъ; самый чистѣйшій городской говоръ слышенъ по Иртышу между городами Омскомъ и Семипалатинскомъ. Кромѣ того есть еще мѣстности, которыя рѣзко отличаются своею рѣчью, но ихъ мало, и посреди господствующаго нарѣчія представляются ничтожными островами, какъ напримѣръ деревни «Поляковъ».²⁾ Они кромѣ особеннаго выговора, сохранили еще много особенныхъ словъ; я успѣлъ записать только слѣдующія:

¹⁾ Въ иныхъ мѣстахъ ѣ чаще замѣняется буквой и, въ другихъ рѣже; такъ, напримѣръ, у казаковъ на Иртышѣ удержались только два слова, въ которыхъ вмѣсто ѣ стоитъ и: *сигерь* и *истъ*; въ другихъ мѣстахъ Томской губ. ихъ болѣе. Г. Н. Потанинъ.

²⁾ Т. е. южновеликорусов-старообрядцев, жившихъ одно время в Белорусіи, в пределах Польши до разделовъ в концѣ 18 века. А. Г.

глечикъ — горшокъ, *клуны* — овинъ, *лусточка* — ломоть, *кулаечка* — судомойка; въ остальной Сибири слова эти не извѣстны“. На стр. 2—6 Потанинъ указываетъ особенности в фонетике и морфологии „сибирской рѣчи“ по Иртышу и Оби съ притоками последней на юг от Омска и Колывани. На стр. 6—49 — „собрание мѣстныхъ словъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Томской губерніи“ (по Иртышу и на Алтаѣ), причем слова расположены по категориямъ значений. На стр. 50—116 — поговорки и песни, записанные по Иртышу и особенно около Семипалатинска.

В книге М. Ѡ. Кривошапкина „Енисейскій округъ и его жизнь“ (Изданіе И. Рус. Географ. Общества), вышедшей въ 1865 году в Петербургѣ, мы находим уже в большомъ количествѣ „мѣстные слова, употребляемыя въ Енисейскомъ округѣ“ (Приложеніе IV, стр. 41—64).

А. П. Щаповъ, занимавшійся вопросомъ об измененіи этнографическаго типа русскаго населенія Сибири под влияніемъ инородцевъ, касается в своихъ работахъ также того влияния, которое оказали инородческіе языки на языкъ русскаго населенія Сибири. Такъ в своей статьѣ „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“, вышедшей впервые в 1864 году в № 1 журнала „Библіотека для Чтенія“, а во второй разъ в 1906 году во второмъ томѣ „Сочиненій А. П. Щапова“ (365—397), Щаповъ говоритъ, со словъ Врангеля (1841 г.) о сильномъ влияніи в Якутской области якутскаго языка на русскій (396 стр.). В статьѣ „Историко-этнографическая организація русскаго народонаселенія“ (Этнологическое развитіе сибирскаго населенія), напечатанной впервые в 1865 году в „Русскомъ Словѣ“ (№№ 1, 2 и 3), а во второй разъ в 1906 году во второмъ томѣ его „Сочиненій“, онъ говоритъ, со словъ Щукина, о языкѣ русскаго населенія по р. Лене (457 стр.) и об остяцкомъ, бурятскомъ и якутскомъ влияніяхъ на русскій языкъ (477—480). А в статьѣ, вышедшей в 1872 году в третьемъ томѣ „Извѣстій Сибирскаго Отдѣла И. Рус. Географ. Общества“, Щаповъ говоритъ о влияніи на русскій языкъ остяковъ и тунгусовъ в низовьяхъ Оби и Енисея.

В 1873 году в IV книгѣ „Извѣстій Сибирскаго Отдѣла И. Рус. Географ. Общества“ (№ 1, стр. 17—32, Иркутскъ) появилась важная для русскаго диалектологическаго востока Сибири статья П. А. Ровинскаго: „Замѣчанія объ особенностяхъ

сибирскаго нарѣчія и словарь“. Эта статья — общего характера, имеющая целью дать общую характеристику русского говора Восточной Сибири, а не данные по отдельным селениям. Автор статьи собрал в Восточной Сибири более 1000 слов, которые он считает специально сибирскими и которых нет в словарях Академии Наук, Даля, Кривошапкина, Авдеевой и других. Насчитывая в Академическом словаре более 1000 сибирских слов, а в словаре Кривошапкина еще около 400 слов, отсутствующих в Академическом словаре, Ровинский констатирует, что наличное богатство восточно-сибирского наречия достигает уже 3000 слов, но должно еще более увеличиться (18—19 стр.). Указав свой способ собирания материала (19—20), он, поправляя несколько Словцова, доказывает, что в Восточной Сибири „главное населеніе, такъ сказать, кадры, составляютъ выходцы если не изъ Устюга Великаго, то вообще изъ сѣверныхъ окраинъ Россіи и преимущественно изъ Вологодской губерніи“ (20).

Далее он указывает, что в низовьях Ангары, на Илиме, в Иркутске и его окрестностях, в Верхнеудинске (но по округу меньше), по Чикою, на заимках между Чикоем и Ингодой, отчасти по Ингоде, в Нерчинске и по всем посещенным им местам этого округа, у всех поселенцев вниз по Шилке и по Амуру, которые все из Забайкалья и преимущественно из Нерчинского округа, затем у пограничных казаков по Онону, у казаков всей второй конной бригады и у пѣших казаков по Аргуни, а по отзывам других путешественников на р. Колыме, у Охотского моря и на Камчатке — распространено особое восточно-сибирское наречие, на котором говорит даже местная интеллигенция (священники, чиновники и купцы) и которое усваивают как приезжие из России, так и ясачные. Ровинский даже полагает, что оно имеет право занять самостоятельное место на ряду с другими наречиями России (севернорусским, в основе которого лежит новгородский говор; среднерусским в московском говоре; западным или белорусским; южным или малорусским) (21). Оно развилось из севернорусского под влиянием новых условий. Самые оригинальные черты его наиболее сохранились между Ангарой и Леной и в южных казачьих караулах (24). Влияние других русских наречий расстраивает его и приготавливает почву для восприятия общерусского языка. Далее он отмечает особенности этого на-

речия в области ударения (25), в переходе *e* в *o* („йотированье“), в словообразовании, в употреблении предлогов, прибавление *-ка*, *-ча* (25), в фонетике (25—28), в склонении и спряжении („части рѣчи“) (28—29), в управлении слов (29), в оборотах речи (29—31); приводит несколько пословиц и поговорок (31).

Несмотря на однородность восточно-сибирского наречия, Ровинский различает в нем по местам разноречия: На низовьях Ангары язык резко отличается от общерусского, чем на Лене, по которой теперь (в 1873 г.) гораздо больше проезду. Кроме того по Лене вместо ангарских есть свои русские слова, а также инородческие слова (под влиянием бурят и тунгусов). В Иркутской губернии заимствованных инородческих слов мало; в Забайкалье, особенно в Нерчинском округе, их очень много; в караулах второй конной бригады почти каждое десятое слово — монгольское (23).

Кроме восточно-сибирского наречия, Ровинский отмечает в Восточной Сибири также 1. наречие семейских: „они, въ противоположность всѣмъ сибирякамъ, акають, выговаривають з очень мягко и въ 3-мъ лицѣ глаголь постоянно оканчивають на *т*“ (надо *-ть*);¹⁾ и 2. наречие малороссиян, поселившихся в начале 19 века в верховьях Ингоды и распространившихся по разным селениям вниз по Ингоде (23).

Эта статья Ровинского при своем появлении и долгое время после него имела большее значение, давая характеристику occurring восточно-сибирских говоров. В настоящее время значение ее уменьшилось: некоторые взгляды его на языковые явления вследствие прогресса науки не верны, а данные его работы по некоторым местностям уже устарели, так как в них (напр., в Иркутске и в окрестностях его) теперь акающие, а не окающие говоры, как было раньше. Большинство данных его статьи, будучи черезчур общего характера, дают мало материала для суждения о говоре отдельных населенных пунктов.

Пользуясь работами предшественников, Н. М. Ядринцев напечатал в № 12 журнала „Дѣло“ за 1874 год свою статью „Русская народность на востокѣ“ (297—340), в которой говорит о влиянии инородцев Сибири на тип и даже язык русских жителей Сибири (322—333).

¹⁾ „Слабое аканье замѣтно впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ, особенно внизу Ангары, или это вѣрнѣе назвать ослабленнымъ оканьемъ. Вслѣдствіе этого произношенія изъ слова скала вышло сколы, мѣста сколистыя (на Байк.) . . .“ (26).

В 1880 году в Омске во второй книжке „Записокъ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Рус. Географ. Общества“ была напечатана статья Н. М. Ядринцева „Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ“ (1—147 стр.). В ней Ядринцев, сообщая между прочим данные о происхождении жителей разных русских селений в Барабинской и Кулундинской степях и на Алтае, касается и языка русского алтайского населения и влияния языка старожилов на язык новоселов. »Среди Алтайскихъ крестьянъ мы встрѣтили обыкновенный (не сказано, какой: окаящий или акаящий) сибирскій говоръ, съ искаженіемъ нѣкоторыхъ словъ: „польга“ вмѣсто „польза“, „тотвониться“ — пререкаться, „гаркаты“, „чтобъ-те стрѣлило“ и т. п. Но между прочим языкъ богат очень различными образными выраженіями: „женщина въ кучѣ“ — беременная, „поставить подъ пугъ“ — запугать, „чашникъ“ — раскельникъ«. Далее он приводит характеристики местностей, обычные в устах русского алтайского населения (102). О влиянии языка старожилов на язык новоселов и обратно Ядринцев говорит следующее (123—124): »Крестьяне старожилы и переселенцы уживаются въ одной деревнѣ, не мѣшая другъ другу сбзаводиться. Между старымъ и новымъ элементомъ можно иногда встрѣтить различные вкусы, можно услышать насмѣшки съ той и другой стороны надъ сосѣдями, они мѣтко подмѣчаютъ недостатки другъ друга, но это тоже иронически — добродушное отношеніе, какое встрѣчается въ кличкахъ и характеристикахъ между различными областями Россіи. Нѣкоторое несходство въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ продолжается недолго: въ два поколѣнія переселенцы уже измѣняются и почти сливаются съ мѣстнымъ населеніемъ.« Къ этому он присоединяет такое примечание: „Нельзя сказать, чтобы и новоселы не вліяли на окружающую ихъ среду: въ одной деревнѣ мы были свидѣтелями, какъ дѣти сибирскихъ крестьянъ быстро воспринимали говоръ переселенцевъ“.

Черскій в 1885 году обращает внимание на 3 особенности в фонетике русских жителей верховьев р. Нижней Тунгуски в пределах Киренского уезда Иркутской губ. на границе с Енисейской губернией.¹⁾

¹⁾ Черскій, Естественно-историческія наблюденія и замѣтки, сдѣланныя по пути отъ г. Иркутска до с. Преображенскаго на р. Н. Тунгускѣ (Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Рус. Географ. Общества, Т. XVI, №№ 1, 2, 3, стр. 268—269).

Произношение русских жителей Нижнеколымска на восток от Лены характеризует в 1887 году Н. М. Ядринцев в „Сибирскомъ Сборникѣ“ (СПБ), а в 1890 году Худяков в составленном им „Верхоянскомъ Сборникѣ“ (Труды Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Рус. Географ. Общества, Иркутскъ, 1890).

В 1890 году Н. П. Латкин в своей работе „Красноярскій округъ Енисейской губерніи“ (СПБ.) характеризует состав населения Красноярска и его уезда (39—40), а затем переходит к его языку: „Хотя населеніе города и его округа смѣшанное, но все-таки въ большинствѣ принадлежитъ къ великорусскому племени, говорящее довольно чистымъ русскимъ языкомъ, новгородскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ въ сѣверной и сѣверо-восточной полосѣ Европейской Россіи, хотя въ говорѣ замѣтно сильное удареніе на букву *о*, а въ языкъ вошло немало словъ чуждыхъ русскому языку или руссифицированныхъ туземныхъ и пришлыхъ выраженій“ (40 стр.).

В работе Хр. Лопарева „Самарово, село Тобольской губерніи и округа“, вышедшей первым изданием в 1892 году, а вторым в 1896 году (1—244 стр.), находятся замечания автора о языке жителей с. Самарова на р. Оби, севернее Тобольска, и приводится небольшой словарь. Замечания и словарь занимают всего 12 страниц (221—232).

В 1894 году в „Живой Старинѣ“ Ф. К. Зобниным даны сведения о говоре с. Усть-Ницынского Тюменскаго уѣзда Тобольской губернии, извлечения из которых приведены акад. А. И. Соболевским в 1897 году в его „Опытѣ русской диалектологіи“ (65 стр.). Но в I выпуске „Живой Старины“ за 1894 год, на который ссылается Соболевский, помещена только статья Ф. Зобнина „Изъ года въ годъ“ (Описаніе круговорота крестьянской жизни въ с. Усть-Ницынскомъ Тюменскаго округа) (стр. 37—64).

В 1894 году в „Живой Старинѣ“ (вып. I, стр. 126—129) в статье „О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ“, а в 1896 году в работе „На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири“ (СПБ. 1896, стр. 20) В. Бартенев характеризует говор русских обдорян и приводит 136 слов, употребляемых ими.

В 1895 году в „Живой Старинѣ“ (вып. 3 и 4, стр. 416—418) появилась заметка студента В. Ламанскаго „Говоръ южной части Томскаго округа, Томской губерніи“, в которой приво-

дятся данные по говору волостей Томского у. Ояшинской, Кайлинской, части Уртамской и Тутальской.

В 1896 году в третьей книге „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ“ появились отрывочные данные Буланже о говорах Туринского, Курганского, Ишимского и Тарского уездов Тобольской губернии,¹⁾ а в четвертой книге тех же „Извѣстій“ — данные П. П. Терпугова о говоре с. Плехановского и селений Плехановского прихода Еланской вол. Тюменского у. Тобольской губ. по нижнему течению р. Тавды.²⁾

В том же 1896 году в „Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ“ (87 т., стр. 240—245) были напечатаны данные П. Рубцова о говоре Арык-Балыкской станицы Кокчетавского у. Акмолинской области.³⁾

Значительная часть появившихся в печати материалов по русским говорам Сибири была использована акад. А. И. Соболевским в его сводной работе по русской диалектологии, вышедшей сначала в 1892 году в „Живой Старинѣ“ под именем „Очерков“, а затем в 1897 году отдельно под заглавием: „Опытъ русской діалектологіи. Выпускъ I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское“ (СПБ.). В последнем издании русским говорам Сибири посвящены страницы 64—68 и 107—108 в цѣлящем отделе ѡбѡющих говоров. Здесь даются сведения преимущественно об ѡбѡющих и цѡкающих говорах Сибири; упоминаний об ѡканье в Сибири — мало.

В 1899 году был напечатан ответ П. М. Вдовченка на Академическую программу по северно-великорусским говорам с данными о говоре Демьянской волости Тобольского у. Тобольской губ. в „Извѣстіяхъ Отдѣленія рус. яз. и слов. И. Академіи Наукъ“ 1899, I—II кн., стр. 3—5 (Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ, VI, стр. 281—283).

В 1901 году В. Г. Богораз в своей работе „Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія“, напечатанной в 68 томе „Сборника Отдѣленія рус. яз. и слов. И. Академіи Наукъ“ (СПБ.), охарактеризовал нижнеколымский и среднеколымский

¹⁾ Ответ на Академическую программу, № 21. — Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ, Вып. II, стр. 29—31.

²⁾ Ответ на Академическую программу, № 27. — Матеріалы для изуч. вел. гов., Вып. III, стр. 68—72.

³⁾ Ответ на Академическую программу, № 75. — Матеріалы для изуч. вел. гов., В. IX.

говору и дал большой материал для их подробного описания в виде напечатанных им песен, сказок и словаря (1—346 стр.).

В 1903 году в третьем выпуске „Живой Старины“ (стр. 297 по 357) с опозданием почти на 50 лет была напечатана работа Г. Пейзена: „Этнографическіе очерки Минусинскаго и Канскаго округовъ, Енисейской губерніи (Изъ путевого журнала 1857 г., съ рисунками построекъ)“. В ней Пейзен дает на 301—302 стр. и общую характеристику языка населенія: „Языкъ здѣшняго населенія представляетъ смѣшеніе нарѣчій разныхъ великорусскихъ губерній, но онъ всего ближе подходитъ къ говору ярославскому и другихъ подмосковныхъ губерній. Нарѣчіе мѣстныхъ крестьянъ отличается отъ нарѣчія ссыльно-поселенцевъ; послѣдніе сохранили нарѣчіе той губерніи, изъ которой сосланы въ Сибирь. Особенности нарѣчія крестьянъ состоятъ въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, буквъ и въ сокращеніи глаголовъ. Однѣ и тѣ же буквы то выговариваются правильно, то неправильно. Выговоръ словъ довольно протяжный и болѣе похожій на нотный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ. Буква *о* всегда сильно выступаетъ. У крестьянъ замѣчается особенная страсть коверкать собственныя имена людей и названія нѣкоторыхъ предметовъ... Но при всемъ томъ, выговоръ словъ нѣженъ и въ разговорахъ наблюдается чрезвычайно много учтивости и мягкости.“ Далее он приводит опыт краткого местного словаря (302 и сл.).

В 1906 году вышла книга В. Н. Тюшова: „По западному берегу Камчатки“.¹⁾ В ней автор так отзывается о русском языке населения Камчатки: „Всѣ камчадалы и русскіе, живущіе на Камчатскомъ полуостровѣ, за исключеніемъ селеній — Сопочнаго, Морошечнаго, Бѣлогловскаго, Харьюзовскаго, Кавранскаго, Утхолокскаго, Напанскаго и Седанкинскаго (расположенныхъ в северной части западнаго берега Камчатки. А. Гр.), — говорятъ на испорченномъ русскомъ языкѣ особымъ говоромъ, употребляя много чисто мѣстныхъ выраженій, часто употребляемыхъ въ Сибири. Главной особенностью... является въ этомъ говорѣ 1. замѣна шипящихъ свистящими и наоборотъ и 2. частое употребленіе слова *однако* въ смыслѣ ‚я думаю‘, какъ это можно подмѣтить и по остальной Сибири, и слова *пора* въ значеніи ‚настало

¹⁾ Записки И. Русскаго Географическаго Общества по общей географіи. Т. 37, № 2. СПб. 1906. XII + 521. 8°.

время“ (62 стр.). Но этот говор не однороден: „Разница въ говорѣ настолько значительна, что безъ труда, по одному разговору можно опредѣлить, изъ какого селенія находится передъ вами субъектъ. Наименьшая разница въ говорѣ замѣтна между жителями такъ называемыхъ русскихъ селеній по рѣкѣ Камчаткѣ, наибольшая между послѣдними и западно-береговыми“ (322 стр.).

В том же 1906 году В. А н у ч и н в своей статье „Материалы къ областному словарю Сибирскаго нарѣчія. Красноярскій уѣздъ, Енисейской губ.“, вышедшей в первом томе „Записокъ Красноярскаго Подъотдѣла И. Рус. Географ. Общества“ дает „Общія замѣчанія объ языкѣ“ и областной словарчик жителей Красноярскаго у. Енисейской губ. Говор красноярцев он определяет как окающий: „Говоръ старожиловъ Красноярскаго уѣзда принадлежитъ къ сѣверно-русскимъ окающимъ, хотя это оканье не слишкомъ сильно, что подчеркиваютъ и сами красноярцы, упрекая въ излишнемъ пристрастии къ буквѣ *о* сѣверянъ Россіи. „Вологоцкой толстопятой отца родново не опозналъ!“ дразнятъ они вологжанъ, утрированно произнося всѣ *о* въ приведенной фразѣ“ (2 стр.).

В 1910 году в 87 томе „Сборника Отдѣленія рус. яз. и сл. И. Академіи Наукъ“ вышел труд А. Б. К а р п о в а „Сборникъ словъ, синонимовъ и выраженій, употребляемыхъ Амурскими казаками“ (1—21 стр.). Отметив своеобразность и малую понятность речи амурскаго казака для приезжего из России, Карпов указывает на присутствие в ней многих „своеобразныхъ словъ“ и на некоторые особенности ее (1—2).

В 1913 году в „Этнографическомъ Обзорѣніи“ (№ 1—2, стр. 110—235) была напечатана работа В. М. З е н з и н о в а „Русское Устье Якутской области Верхоянскаго округа“. Здесь в главѣ „Особенности языка“ (206—214) автор указывает на слабое влияние на речь индигирцев якутскаго языка, русскихъ колымчан и русскихъ Якутской области, на отсутствие в речи индигирцев колымскаго сюсюканья (*с* вм. *ш* и *ж*) и охотскаго „цацканья“ (*ц* вм. *ч*, т. е. цоканья) и на сохранение в ней старинныхъ русскихъ словъ, выражений и оборотовъ, примеры которыхъ онъ приводитъ (209—214). Далее онъ даетъ материалъ для описанія ихъ речи в видѣ песенъ и сказокъ (214—231).

В том же 1913 году появилась во второмъ томѣ „Трудовъ Томскаго Общества изученія Сибири“ (Томск) работа ныне

покойного студента-медика А. Молотилова под заглавием: „Говоръ русскаго старожилаго населенія сѣверной Барабы (Каинскаго уѣзда, Томской губ.). Матеріалы для Сибирской діалектологіи“ (1—187 стр.). Эта работа имеет важное значение для ознакомления с русским говором Меньшиковской волости Каинского у. Томской губ., расположенной на север от московского тракта, тем более, что этот говор близок к акающим говорам московского тракта. В „Предварительныхъ замѣчаніяхъ“ дается общая характеристика говора и сближение его с московским говором (1—6 стр. отдельного оттиска). В первой главе выясняются „Фонетическія особенности говора“: гласные звуки 7—12, согласные звуки 12—15, сочетанія звуковъ 15—18, смягченіе и огрубѣніе звуковъ 18—19, удареніе 19—21, особенности въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ 21—23. Во второй главе — „Морфологическія особенности говора“: имя существительное 24—31, имя прилагательное 31—36, имя числительное 36—37, мѣстоименіе 37—39, глаголь 39—42, нарѣчіе 42—43, предлоги и приставки 44—45, союзъ 45—46. В третьей главе — „Стиль и фразеологія говора“: приставки-частицы 47—48, удвоеніе слова 48—49, образованіе уменьшительныхъ и ласкательныхъ формъ отъ всѣхъ частей рѣчи 49—50, обороты рѣчи 51—52, формулы привѣтствія, приглашенія, благодаренія, божбы, ругательства 52—54, употребленіе въ говорѣ риѣмы и „складу“ 54—66, образныя выраженія и разнаго рода присловья 66—75, дѣтскій языкъ 75—76, произношеніе именъ собственныхъ 77—83, клички животныхъ 83—85, эпитеты и сравненія 85—90. Вторую половину всей работы (90—187) занимает „Словарь говора“.

В 1914 году в „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ была напечатана статья директора народных училищ Томской губ. Николая Кирил. Рамзевича: „Къ изученію народной рѣчи въ Сибири“ (1—9). Стметив в ней, по Ушинскому, значение языка вообще и русского в частности, а по А. И. Соболевскому (Очеркъ рус. діалектологіи) и В. Н. Перетцу (Конспектъ лекцій по русской діалектологіи) малую изученность русских говоров Сибири, их родство с северновеликорусскими цокающими говорами и разновидности, он призывал к записи особенностей русских говоров Сибири и сделал несколько указаний для нее. Кроме того, он дал (5—7) небольшой список слов и выражений, записанных им в разных

местах Томской губ., а также (7—8) записи учителей в Змеиногорске и Нарыме, сохраняющие значение и до сих пор.

В своей статье „Марковцы и русско-устыинцы. Этнографическія параллели и сравненія“, напечатанной в „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (1914, № 1—2, стр. 155—161), В. Зензинъ отрицаетъ ближайшую генетическую связь между русско-устыинцами и марковцами (жителями села Маркова на Анадыре) в виду особаго ихъ физическаго типа и особой ихъ разговорной речи. При этомъ онъ указываетъ, что в речи индигирцев (русско-устыинцев) нетъ особенностей речи анадырцев (марковцев): *ц* вместо *ч*; *з* вм. *ж*; *с* вм. *ш*, *щ*, *ч*; *ы* вм. *и*; *г* вм. *б*; *т* вм. *ч* (160).

В предисловии къ напечатаннымъ имъ в „Живой Старинѣ“ за 1914 годъ (Прилож. № 1, стр. 1—15 отдельнаго оттиска) „Заговорамъ амурскихъ казаковъ“ М. К. Азадовскій замечаетъ, что напечатанные имъ тексты не однородны в диалектологическомъ отношеніи, и указываетъ одну изъ причинъ этого: „разнохарактерность говора, вообще, свойственна казачьему населенію Амурской области, такъ какъ говоръ его представляетъ смѣсь разныхъ говоровъ Забайкалья, откуда вышли первые засельники Амурскаго края (какъ, напр., на ряду съ правильнымъ произношеніемъ *с* и *ш*, *ч* и *ц* существуетъ мѣна этихъ звуковъ и слияніе въ одно; — на ряду съ твердымъ произношеніемъ шипящихъ сохранилось и мягкое ихъ произношеніе; — рядомъ съ господствующимъ оканьемъ встрѣчаются черты аканья и т. д.)“ (1 стр.).

В 1917 году в 28 выпуске „Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея“ была напечатана статья Г. Я. Маляревскаго „Особенности говора крестьянъ-старожиловъ Тобольской губерніи“ (1—34 стр.). В ней авторъ даетъ (2—6) общую характеристику говора „преимущественно старожиловъ западныхъ уѣздовъ“ этой губерніи: Тюменскаго, Курганскаго, Ялуторовскаго, Туринскаго, Березовскаго и западной части Ишимскаго, в которыхъ распространено окающее произношеніе и многіе общіе местные слова. На стр. 6—34 онъ поясняетъ „мѣстныя слова и выраженія въ Тобольской губерніи“. В восточной половинѣ Тобольской губ. — „говоръ болѣе на *а*, хотя и не въ такой степени, какъ напримѣръ, въ Тамбовской или Саратовской губерніяхъ“ (1 стр.).

С осени 1917 года началась моя работа по изученію русскихъ говоровъ Сибири. Оказавшись первымъ представителемъ

кафедры русского языка и словесности в Томском университете, я поставил себе целью изучить мало известные еще в науке русские говоры Сибири, насколько позволяют мои силы, небольшое количество свободного времени (при исполнении обязанностей по своей кафедре, деканству, проректуре и замещению родственных профессур) и создавшаяся обстановка (гражданская война и внутренние фронты).

Ознакомление с немногочисленными работами о русских говорах Сибири и с записями памятников народной словесности, а также с историей колонизации Сибири показало неверность создавшегося в Европейской России под влиянием данных сводного труда акад. А. И. Соболевского („Очерков“, затем „Опыта“), а еще ранее упоминаний в трудах Степанова,¹⁾ Словцова,²⁾ Латкина,³⁾ а позже в статьях Серебренникова⁴⁾ представления о том, что русское население Сибири почти сплошь говорит по северно-великорусски, т. е. окает. На самом деле оказалось, что добрая половина населения Сибири происходит из акающих губерний Европейской России и что она заняла главным образом южные части Сибири, сравнительно позже открывшиеся для русской колонизации.

Просмотрев доступные мне записи в Сибири произведений народного творчества и руководясь 40-верстной картой Генерального Штаба и другими картами, я составил указатель этих записей по губерниям (областям), уездам, волостям и селениям. Затем, следуя этому указателю, я приступил к выборке из доступных мне записей диалектологического материала. Но, к сожалению, оказалось, что большая часть этого материала мало полезна для диалектологических целей, так как большая часть записывавших производила свою запись обычным литературным правописанием и сглаживала особенности местных говоров, на что иногда имеются прямые указания.

В виду этого самым важным источником для пополнения уже известного в науке диалектологического материала должны были явиться новые записи. Для производства новых записей лично я совершил несколько поездок: летом 1918 года по За-

¹⁾ Енисейская губернія (СПБ. 1835), стр. 99—101.

²⁾ Историческое обозрѣніе Сибири (СПБ. 1886), стр. 79.

³⁾ Красноярскій округъ Енисейской губерніи (СПБ. 1890), стр. 40.

⁴⁾ Первоначальное заселеніе Иркутской губерніи (Иркутскъ. 1915), стр. 27—28. — Покореніе и первоначальное заселеніе Иркутской губерніи (Иркутскъ 1915), стр. 79—80, 57.

падной Сибири, направляясь через Самару, Балаково, Саратов и Воронеж в Ростов на Дону за семьей и возвращаясь из него через Саратов, Николаевск и Самару; зимой 1918—19 гг. по Западной Сибири, направляясь за семьей через Омск, Тюмень и Екатеринбург в Пермь и Нытвинский завод и возвращаясь тем же путем обратно; летом 1919 года по московскому тракту до Колывани и Новониколаевска на Оби (поездке в Каинск помешали беспокойства на барабинской части московского тракта); летом 1920 года по московскому и кузнецкому трактам в Кузнецк (конец поездки был испорчен не в меру ретивым председателем волостного исполкома в с. Прокопьевском); летом 1921 года по иркутскому тракту на р. Чулым и в г. Мариинск, причем мои два сотрудника по экспедиции студент Я. Старухин и студентка А. М. Щербакова произвели записи в восточной части Минусинского уезда Енисейской губернии; летом 1922 года на пароходах по Томи и Оби в Новониколаевск при хлопотах о разрешении выехать из России в Польшу.

Для облегчения другим лицам возможности собирать особенности русских говоров Сибири нужна была подходящая программа. Таковой я считал программу Московской Диалектологической Комиссии по северновеликорусским и средневеликорусским говорам. Но достать ее из Москвы, в виду существования внутренних фронтов, было невозможно. Съ трудом мне удалось найти ее экземпляр в Сибири (именно у покойного Н. К. Рамзевича). Пополнив ее некоторыми вопросами о специальных особенностях русских говоров Сибири, преимущественно Западной,¹⁾ я выпустил ее под заглавием: „Программа для собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для составленія диалектологической карты русскаго языка въ Сибири. Сѣверновеликорусскіе и средневеликорусскіе говоры“ в „Извѣстіяхъ Томскаго Университета“ за 1919 год. Ее экземпляры я широко распространял среди студентов Историко-филологического и (в бытность мою проректором) других факультетов, а также рассылал. Благодаря этому было получено не малое число ответов на вопросы этой программы из разных мест Сибири, но преимущественно Западной.

¹⁾ Статьи П. А. Ровинского об особенностях говоров Восточной Сибири я не мог достать целых 10 лет: я прочел ее только в 1927 году в рукописной копии, благодаря любезности Г. С. Виноградова.

Скопившийся у меня из печатных трудов и новых записей материал я обрабатывал в географическом порядке губерний и областей Сибири с запада на восток, докладывая о своих выводах своевременно в основанном мною „Обществѣ этнографіи, исторіи и археологіи при Томскомъ Университетѣ“. Главной целью своей работы я с самаго начала ставил выяснение общего распределения русских говоров старожилого населения Сибири и общего характера их (оканья и аканья), не решаясь теперь же делать детальные выводы. К такой осторожности меня вынуждало и знакомство с прежним и позднейшим заселением Сибири, в которой благодаря случаю часто говорят различно не только в соседних селениях, но даже в одном и том же селении. К более детальному изучению говоров и их происхождения можно будет обратиться, по моему мнению, без особенного риска тогда, когда благодаря достаточному материалу науке будет известно общее распределение русских говоров Сибири и их общий характер.

В виду того, что переселение в Сибирь из Европейской России усиленно продолжалось до последней мировой войны, не прекратившись совершенно даже до настоящего времени, и дало Сибири в последние десятилетия половину всего ее русского населения, — последнее по местам представляет чрезвычайную смесь, которая иногда доходит до того, что в одной и той же деревне живут переселенцы чуть ли не из сорока губерний Европейской России, не говоря уже о старожилах, и рядом стоят деревни неодновременного происхождения. Поэтому в Сибири часты случаи, когда жители одной деревни говорят одним наречием, а жители другой соседней деревни — другим, и также случаи, когда в одной и той же деревне находятся жители разного происхождения и с разными наречиями и говорами. Чтобы не растеряться среди представляющегося разнообразия говоров Сибири, необходимо поэтому изучить в первую очередь говоры русских старожилов Сибири, говор которых в каждом данном селении представляет, благодаря долговременному тесному сожительству, уже нечто целое и оказывает заметное влияние на разнообразные говоры русских переселенцев. Чтобы подметить известную закономерность в образовании говоров русских старожилов Сибири, необходимо найти в жизни Сибири такие исходные пункты, которые дали бы возможность выяснить историю образования

возможно большего количества говоров русского старожилого населения Сибири. Одним из таких исходных пунктов на юге Сибири было, по моему мнению, проведение около 150 лет тому назад так называемого московского тракта. Со времени его учреждения и первоначального заселения прошло уже достаточно времени, чтобы вполне определилось то направление, в котором стали изменяться или уже изменились говоры многочисленных селений, оказавшихся или устроенных на тракте при его первоначальном заселении. Изучение говоров московского тракта должно дать материал не только для знакомства с их современным положением, но также для суждения об истории их образования, а кроме того о возможном их влиянии на говоры селений, возникших в стороне от тракта и притом в большинстве случаев позже его учреждения. Эти основания заставляют меня придавать большое значение изучению на юге Сибири в первую очередь русских говоров московского тракта. Изучение их необходимо связать с заселением московского тракта русскими и происхождением последних. К сожалению, до сих пор не было работ, выясняющих историю заселения московского тракта и происхождение его жителей. Мало того; не было даже работы, выясняющей историю постепенного устройства этого тракта на всем протяжении. Последнее обстоятельство заставило меня самого приняться за выяснение истории устройства и заселения московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров, так как такая предварительная работа даст необходимые точки опоры при изучении русских говоров, образовавшихся по тракту со времени его основания до настоящего времени. В результате этой работы явилась моя статья „Устройство и заселение московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров (Сибири)“, которую я напечатал в 6-ом выпуске „Известий Института Исследования Сибири“ (Томск. 1921. 1—116 стр.).

Все эти занятия дали мне возможность прочесть в 1921—1922 акад. году в Томском университете специальный курс „Русские старожильческие говоры Сибири“.

В Иркутском университете, возникшем на год позже Историко-филологического факультета в г. Томске и временно получившем свои наиболее ценные научные силы из Казани вследствие эвакуации последней при Колчаке, изучение русских го-

воров Сибири было начато проф. А. М. Селищевым, вернувшимся летом 1920 года обратно в Казань. Результатом его работы являются труды: 1. „Забайкальскіе старообрядцы. Семейскіе“ (Иркутскъ, 1920, 81 стр.), в котором описанию и выяснению происхождения говора семейских посвящено 25 страниц (44—69); 2. „Діалектологическій очеркъ Сибири. Выпускъ I (Иркутскъ, 1921, 1—294 стр., 16°)“, который основан главным образом на печатных материалах и только „отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ“ и в первых двух главах рассматривает изменение звуков (8—79) и форм (79—139) на протяжении всей Сибири, а в третьей главе (147—271) указывает, „какія черты сѣв.-великорусскія были принесены въ Сибирь и что новаго развилось въ русскихъ говорахъ въ Сибири“ (147). Предположенная четвертая глава „Русскія діалектическія группы въ Сибири“, которая должна была составить второй выпуск, до сих пор не вышла. В этом очерке автор занимается главным образом северно-великорусскими говорами Сибири.

М. К. Азадовский, напечатавший в 1922 году в Чите в своей работе „Ленские причитания“ (1—122) тексты причитаний, которые были записаны им в 15 селениях Верхоленского уезда Иркутской губернии, расположенных по р. Лене и ее притокам: Куленге и Анге, предваряет их замечаниями по поводу передачи диалектических особенностей (71—72). Здесь он отмечает существование непоследовательности в говоре одного и того же лица, признает говоры Верхоленского уезда смешанными (великорусскими) говорами и делает следующее наблюдение: „В селениях, расположенных по Лене (Качуг, Макарово, Кистенево, Кортухай), преимущественно окают, тогда как в куленгинских селениях, а также Анге, Залоге преобладает аканье. Также в первых — более последовательно проведена замена свистящих шипящими (то же в Анге), во вторых это явление наблюдается только спорадически. В с. Залоге очень часто цоканье, которое весьма редко наблюдается в других соседних местах“ (71—72 стр.).

В 1923 году в Иркутске появилась работа П. Я. Черных: „Русские говоры Мамырской волости, Тулунского уезда, Иркутской губернии (Диалектологические заметки)“ (3—45 стр.). Здесь автор на основании собранного во время своих двух поездок в Мамырскую волость материала характеризует говоры этой

волости (фонетика 7—24, из морфологии 24—31, из синтаксиса 31—33), а в конце (34—45) дает „Образцы мамырских говоров“, печатая тексты, записанные в двух селениях этой волости: В. Суворовой и Громах. В начале статьи он заявляет, что „все мамырские говоры... представляют из себя, повидимому, однородное целое“ (6), „принадлежат к смешанным великорусским, акающим на северновеликорусской основе“ (6), что их особенности „сближают их со многими русскими говорами Восточной Сибири“ (7).

В 1924 году в Иркутске вышла работа Г. С. Виноградова и П. Я. Черных: „Русские говоры центральной части Тулунского уезда, Иркутской губернии. Издание Иркутского научного музея“ (3—26 стр.). Материал для этой работы был собран Г. С. Виноградовым, который, по заявлению П. Я. Черных (3), первоначальные свои языковые наблюдения производил случайно, а с 1919 года пользовался выпущенной мною „Программой“. Этот материал, любезно присланный мне Г. С. Виноградовым в Томск еще до моего выезда из России, теперь в пополненном объеме был использован П. Я. Черных для описания, „исполненного в общем по образцу больших ответов на академические программы“ (24). Здесь рассматриваются „фонетика“ (5—10), „формы слов и словосочетаний“ (морфология 10—15, синтаксис 16—18) и приводится „словарь“ (18—23), являющийся дополнением к словарям при двух ранее вышедших работах Виноградова.¹⁾ Кроме того, Черных делает несколько замечаний общего характера об этих говорах: они „представляют из себя однородное целое в диалектологическом смысле“, „принадлежат к акающим великорусским говорам ‚средне-великорусского‘ типа“ (5), их „можно считать типичными для акающих говоров Московского тракта и пригородных сел и деревень в пределах Иркутской губернии“ (23), но вслед затем сам же указывает некоторые отличия в говоре этих „сел и деревень под Иркутском“ (24).

В „Приложении“ к этой работе (25—26) помещено „Не-

¹⁾ 1. Самоврачеваніе и скотолѣченіе у русскаго старожилаго населенія Сибири (Матеріалы по народной медицинѣ и ветеринаріи). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинскій уѣздъ, Иркутская губернія, (Петроградъ, 1916), стр. 102—105 (Живая Старина, 1915, г., стр. 426—429). — 2. Матеріалы для народнаго календаря русскаго старожилаго населенія Сибири. Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинскій уѣздъ, Иркутская губернія (Записки Тулуновскаго Отдѣла Общества изученія Сибири и улучшенія ея быта, кн. 1. Иркутскъ 1918), стр. 55—56.

сколько замечаний о русских говорах Братской волости (Тулунского у. Иркутской губ.)". Здесь указаны между прочим черты отличия их от говоров центральной части Тулунского у., черты сходства с мамырскими говорами и отличия от них.

В 1925 году в Иркутске вышла книга М. К. Азадовского: „Сказки Верхотенского края“ (Вып. I) с 22 сказками, записанными им в с. Челпанове у Н. О. Винокуровой. В конце ее (138—142 стр.) приводятся „Областные слова в сказках Н. О. Винокуровой“. Говоря в предисловии о характере своих записей, автор замечает: „Современные ленские говоры сложились в результате слияния нескольких диалектических течений; кроме того огромную роль сыграло нивеллирующее влияние тракта, — все это привело к сосуществованию отдельных явлений даже в пределах одного индивидуального говора“ (XLIV).

В „Сибирской Живой Старине“ за 1925 год (вып. III—IV) был напечатан „Отчет Вс. Ант. Малаховского о диалектологической поездке в село Посольское (оз. Байкал) в августе мес. 1924 г.“ (10—13 стр. отдельного оттиска). По словам автора отчета, говор посольцев „по типу похож на средне-великорусский переходный говор“. Но далее он замечает, „что некоторые жители Посольска говорят, как чистые северно-великоруссы... , но их немного. Большинство населения говорит по южновеликорусски“ (так! средневеликорусски?) (12). „Говор большеречинцев по сравнению с Посольским не представляет особенностей“ (13). К „Отчету“ приложены 2 отрывка говора.

В „Сибирской Живой Старине“ за 1926 г. (вып. I) был напечатан „Отчет В. А. Малаховского о диалектологической поездке в Баргузинский район (Забайкальской области летом 1925 года)“ (15—18 стр. отдельного оттиска). „В своей главной массе“, говорит автор отчета, „говоры этих деревень и селений (Горячинска, Истока, Устья, Катакели, Нестеровой, Макарегина) принадлежат к типу средне-великорусских говоров“ (15). Рядом с этим преобладающим типом говоров в Катакели и отчасти в Истоке существует говор старообрядцев-семейских, который, по его определению, „типичный южновеликорусский говор, правда несколько видоизменившийся под влиянием соседей северно-великоруссов“ (17).

В том же выпуске „Сибирской Живой Старины“ (стр. 11—13) помещен и „Краткий отчет С. Гущиной о поездке в За-

байкалье летом 1925 года“, в котором приведено несколько фраз, записанных ею в с. Турунтаеве Селенгинского у. Забайкальской области. Определения говора здесь нет, но оно имеется в ее письме ко мне в 1927 году.

Во втором выпуске за 1926 год „Бурятоведческого Сборника“ (ст. 1—23) напечатаны „Замечания о говорах Тункинско-го края“ (Иркутской губернии) Георгия Виноградова. После предварительных замечаний о русском населении края Г. С. Виноградов дает описание этого говора (Фонетика 8—15, Морфология 15—19, Из синтаксиса 19). Он относит его „к акающим на северо-великорусской основе“ (7, 20).

В том же втором выпуске „Бурятоведческого Сборника“ за 1926 год (Иркутск, 3—6 стр.) напечатана заметка М. К. Азадовского „Областные слова Селенгинского округа в записи декабриста Н. А. Бестужева“, в которой М. К. Азадовский дает объяснение 63 местных слов, записанных Н. А. Бестужевым в Селенгинском округе.

Летом 1927 года П. Черных совершил в Иркутской губернии диалектологическую поездку на р. Илим, правый приток р. Ангары, которую (р. Илим) он проехал от верховьев ее (от д. Кочерги) до с. Илимского (ранее г. Илимска), на протяжении 250 верст, делая остановки в некоторых населенных ее пунктах. Результатом этой его поездки является описание русских говоров на указанном пространстве, напечатанное под заглавием „Русские говоры Илимского края“ (3—18 стр.) Тулунского (а ранее, повидимому, Киренского) у. Иркутской губ. В нем П. Черных описывает произношение (5—11), формы склонения и спряжения (11—13), словообразование (13—15) и синтаксис (15—16). Автор определяет здешние русские говоры, как „говоры акающие на северо-великорусской основе, — говоры „средневеликорусского“ типа“ (4). При этом „верхнеилимские говоры отличаются от среднеилимских главным образом некоторыми фонетическими особенностями: 1. смешением свистящих и шипящих согласных и 2. произношением *w* (неслогового *y*) вместо твердого *л*: *woшкa* (ложка), *woткa* (лодка)“. Этими последними чертами верхнеилимские говоры объединяются с соседними ангарскими говорами Яндинской и Мамырской волостей и с говорами Верхнеленского края (16).

В последние годы вышла в „Трудах Государственного Дальневосточного университета“ интересная работа А. П. Геор-

гиевского „Русские на Дальнем Востоке“. До сих пор напечатано 3 выпуска ее. Из них первый под заглавием „Заселение русскими Дальнего Востока и современное их распределение (в связи с говорами)“ вышел в 1926 году (Владивосток, 72 стр.); второй под заглавием „Вопрос о русских говорах побережья залива Петра Великого“ — в 1927 г. (20 стр.); третий под заглавием „Русские говоры Приморья“ — в 1928 г. (96 стр.).

В первом выпуске автор сначала указывает источники своей работы (неизданные дела архивов Дальнего Востока и печатные), а затем излагает заселение как всего Дальнего Востока (13—22), включая в него Забайкалье (без русско-бурятской территории), Амурскую и Приморскую области, Сахалин и Камчатку, так и в частности Забайкалья (23—32), Амурской области (33—44), Сахалина и Камчатки (45—52) и Приморья (53—63); в шестой главе (64—71 стр.) даются выводы. Среди приложений наиболее интересны схематические карты Южно-Уссурийского края и Дальнего Востока с указанием преобладающих мест поселения великорусов, малорусов (украинцев) и белорусов. Второй выпуск, являющийся дополнением к первому, указывает состав населения поселений Южно-Уссурийского края, именно по побережью залива Петра Великого (по обе стороны Владивостока), начиная на западе с Корейской границы. Оба эти выпуска важны для изучения русских говоров Дальневосточного края, давая общую картину географического распределения русского населения на Дальнем Востоке и указывая состав, численность и происхождение его. Очевидно, по условиям работы во Владивостоке, автору остались неизвестными некоторые печатные труды, напр.: „Тюшовъ В. Н. По западному берегу Камчатки“ (СПб. 1906), „Азиатская Россія“ со статистикой к 1911 году, моя работа „Устройство и заселение московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров“ (Томск, 1921), в которой я довольно подробно указываю занятие и заселение также и Забайкальской области (59—72 стр.).

Третий выпуск, как показывает его заглавие „Русские говоры Приморья“, имеет целью охарактеризовать русские говоры Приморской области. К сожалению, большая часть этого выпуска представляет меньший интерес для науки: большая часть населения этой области — новоселы, которые еще достаточно устойчиво сохраняют свой говор, принесенный из

Европейской России, вследствие чего не только не образовали сплошных цельных говоров на каком-нибудь значительном пространстве, но даже не выработали одного говора в своем новом селении. Зная место их выхода, мы и без указаний третьего выпуска знаем, какими чертами должен характеризоваться их говор. Это под конец работы чувствует и сам автор (ср. его слова на 61 стр. по поводу незначительности процесса метисации). Для нас было бы важнее ознакомиться в первую очередь с говорами местного русского старожилото населения, каковым являются прежде всего казаки, ведущие свое происхождение от Забайкальского казачьего войска и следовательно давно живущие на территории Сибири. Но автор, к сожалению, ограничился (может быть, пока?) „несколькими замечаниями к вопросу о говорах Уссурийского казачьего войска“ и притом самого общего характера (65—66). В этом выпуске обращают на себя внимание более точные указания на географическое распределение здесь русского населения (4—5 стр.) и на общее распределение великорусских говоров (9), указания на район распространения северно-малорусских говоров (31), на изменение великорусских и малорусских говоров и начало образования смешанных говоров в местах их соприкосновения (63, 25). Интересны также характеристики русско-китайского (67—75), русско-корейского (75—80), русско-японского (81—84) и русско-туземных (84—86) диалектов. Большую часть выпуска занимает характеристика великорусских (9—19), малорусских (20—50) и белорусских (51—61) говоров, не образовавших здесь пока, в виду краткости времени, новых единых сплошных языковых организмов.

*

Кроме указанных замечаний, статей и работ по русским говорам Сибири, было напечатано немало сказок, песен и т. п. памятников народного творчества, записанных в Сибири по большей части общепринятым литературным правописанием, что значительно, а иногда и совсем лишает их ценности в диалектологическом отношении. Упоминание этих записей будет сделано при рассмотрении особенностей говора отдельных населенных пунктов.

Пряшев (Prešov) в Словакии.

А. Д. Григорьев

ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1. **Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899—1901 г.г. Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа.** Т. I. ч. I: Поморье, ч. II: Пйнега. Москва. 1904. LX + 708 стр. — Т. III: Мезень. Съ картой распространенія старинъ на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи. СПБ. 1910. XIV + 732. (Изд. Отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ).
2. **Отчетъ о первой поѣздкѣ по Архангельской губ.** — Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, 1900, кн. 2.
3. **Отчетъ о второй поѣздкѣ по Архангельской губ.** — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ за 1900 г., стр. 51—59.
4. **Отчетъ о третьей поѣздкѣ по Архангельской губ.** — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ за 1901 г., I—VII.
5. **Дюкъ Степановичъ** (текстъ, записанный на р. Кулоѣ Арханг. губ.). — Научно-литературный сборникъ. Повременное изданіе „Галицко-русской Матицы“. Львовъ. 1906, кн. 1, стр. 68—71.
6. **Общіе результаты работъ собирателей и изслѣдователей русскихъ былинъ.** — Там же. 1906, кн. 2.
7. **Происхожденіе славянскихъ текстовъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.** — Археологич. Извѣстія и Замѣтки. Москва. 1898 г. №№ 11 и 12.
8. **Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.** — Юбилейный сборникъ въ честь В. Ф. Миллера. Москва. 1900, стр. 107—113.
9. **Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. Изслѣдованіе и тексты.** Москва. 1913. X + 564 + 316 стр. — Чтенія въ И. Обществѣ Ист. и Др. Рос. 1908, кн. 3; 1909, кн. 3; 1912, кн. 1; 1913, кн. 1.
10. **Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ, какъ художественное произведеніе.** Варшава. 1913. 1—60 стр. — Варшав. Унив. Извѣстія.
11. **Повѣсть о чешскомъ королевичѣ Василіи Златовласомъ и Исторія объ испанскомъ королевичѣ Францѣ.** Харьковъ. 1916. 1—32 стр. — Варш. Унив. Извѣстія, 1916, № 4.
12. **„Слово кратко“ въ защиту монастырскихъ имуществъ, съ предисловіемъ А. Д. Григорьева.** XXX + 68 стр. — Чтенія въ И. Общ. Ист. и Др. Рос., 1902 г.
13. **Даръ берестейскихъ мѣщанъ Яблочинскому Свято-Онуфріевскому монастырю въ 1527 году.** — Холмская Русь. 1913, № 32 и 33.
14. **Уставъ 1488 года Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря Холмской губерніи.** Варшава. 1913. — Рус. Фил. Вѣстникъ. 1913, № 4.
15. **Къ исторіи Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря Холмской губерніи.** Варшава. 1915. 1—84. — Варш. Унив. Извѣстія, 1915, IV.
16. **Къ вопросу объ историческомъ преподаваніи русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.** — Рус. Фил. Вѣстникъ, 1906, стр. 35—38.
17. **Костромская губернія. Сводъ діалектологическихъ данныхъ по этой губерніи.** — Труды Моск. Діалектологич. Коммисіи. Вып. I. Варшава, 114 и сл.
18. **Русскій языкъ. Введеніе. Исторія русскаго народнаго и литературнаго языка.** Варшава. 1915.
19. **Русскіе говоры западной половины Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи.** Томскъ. 1919. 1—25. — Извѣстія Томскаго Университета, LXX.
20. **Устройство и заселеніе московскаго тракта въ Сибири с точки зренія изученія русскихъ говоровъ.** Томск, 1921, 1—116. — Изв. Инст. Иссл. Сибири. № 6. Труды И.-этн. Отд., № 1.
21. **Исторія русскаго правописанія и основы новейшей его реформы.** — Русская Школа за рубежомъ. 1923. Кн. 2—3. Прага. Стр. 80—91.
22. **Образованіе и общее распределеніе русскихъ старожильческихъ говоровъ Сибири.** — Сборникъ статей въ честь ак. А. И. Соболевскаго. (Сбор. Отд. р. я. и сл. Ак. Н. СССР., Т. CI, 1928, стр. 386—389).